

АКСИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

AXIOLOGY OF CULTURE

УДК 1

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-8-14

Александр Анатольевич Шевченко,
Институт философии и права СО РАН
(г. Новосибирск, Россия),
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

«Постправда» как новый «режим истины»

Феномен «постправды» рассматривается в статье не только как существенная характеристика современной политики, но и как устойчивое явление общественной жизни со времён Античности, в частности, в сфере философии. Предложен критический анализ оригинальной концепции С. Фуллера, в рамках которой «постправда» получает позитивную оценку и интерпретируется как отказ признавать традиционные формы создания и легитимации истин и платить ренту за знание традиционным его производителем. Рассмотрены также негативные последствия такой демократизации знания, главным из которых можно считать перенасыщение локальными нарративами и «альтернативными фактами». Особое внимание уделено борьбе за «модальную власть», которая в рамках рассмотренной концепции понимается как борьба производителей истин на мета-уровне – за определение правил игры, за то, какие истины будут иметь приоритет в этой конкурентной борьбе. Дана общая характеристика современного «состояния постправды», показаны возможности его позитивной эволюции за счёт переноса фокуса с конкуренции истин на процедуры понимания и решение общественных проблем, по аналогии с процессами, происходящими в современной эпистемологии и философии науки.

Ключевые слова: истина, постправда, «модальная власть», популизм, демократизация, С. Фуллер

Alexander A. Shevchenko,
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia),
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

“Post-Truth” as a New “Regime of Truth”

The paper considers the phenomenon of post-truth not only as an important part of contemporary political reality but mainly as a pervasive feature of overall social life since the time of antiquity including the field of philosophy. It offers a critical analysis of the original conception of Steven Fuller, in which post-truth gets a positive treatment and is interpreted as a refusal to recognize the traditional forms of creation and legitimation of knowledge and pay the rent to the officially qualified professionals. The paper also analyzes negative consequences of such democratization of knowledge, which are an overabundance of local narratives and “alternative facts”. Special attention is paid to the struggle for modal power, which here means the fight of various truth-producers at a meta-level for defining the rules of the game, for establishing which truths will have a priority in this competitive struggle. The author offers a general overview of the contemporary “post-truth condition” and shows the possibility of its positive evolution. This would require a shift of focus from competing truths to the procedures of understanding and problem-solving, as it is now happening in contemporary epistemology and philosophy of science.

Keywords: truth, post-truth, modal power, populism, democratization, S. Fuller

Введение. Истина – одна из важнейших научных и философских категорий. С Античности философы обсуждают способы преодоления скептицизма, т. е. саму возможность

достижения истины, связь истины с добром и красотой, способы получения истины, возможности её передачи другим людям. В современной философии обсуждение проблем

© Шевченко А. А., 2019

истины приобрело более технический характер – исследуются условия истинности языковых выражений, а также различные теории истины, такие как корреспондентная, когерентная, прагматистская. В ходу и различные варианты отказа от самого понятия «истина» по причине его возможной семантической избыточности – таковы, например, дефляционистские концепции истины. В отечественной философии традиционно обсуждается вопрос о соотношении истины и правды. В последнее время широкое распространение получил термин «пост-правда», причём дискуссии ведутся уже не только о «ситуации постправды» в политике [6], но и в науке и философии, а также о возможности осмысления этого понятия как нового «режима истины» в смысле М. Фуко – режима, определяющего то, как производится и оценивается информация в конкретном обществе. Особого интереса заслуживает здесь критический анализ оригинальной концепции «постправды» американского философа науки и социального эпистемолога Стивена Фуллера [10], который предлагает переосмыслить «постправду» в позитивном ключе – как новый ответ на призыв Просвещения к «эмансипации несовершеннолетних», призыв жить своим умом, отказавшись от опоры на привычные авторитеты.

Методология и методы исследования.

В качестве общей методологической основы рассмотрения феномена «постправда» мы используем классическое трёхчастное определение знания как «обоснованное истинное мнение», как наиболее стандартное в современной аналитической философии [4], которое часто возводят к текстам Платона. Анализ его компонентов позволяет зафиксировать изменение требований как к истинности, так и процедурам обоснования высказываний, а также новые требования к субъектам таких высказываний. В качестве материала для анализа в основном используется концепция «постправда» Стивена Фуллера. Обоснование возможности считать «феномен постправды» новым «режимом истины» потребовало использования методов историко-философской реконструкции и ретроспективной рационализации для позитивной трактовки феномена «постправды» в духе принципа доброжелательности (*charity*). Тезис об эвристичности переноса акцента с понятия «истина» на понятия «обоснование» и «понимание» опирается на идею Э. Геттиера о возможной случайности истины в процессе познания [11].

Результаты исследования и их об-суждение. Термин «постправда» получил широкое распространение в 2016 году, главным образом благодаря двум политическим кампаниям – за выход Британии из Евросоюза и президентским выборам в США. Обе кампании отличались жаркой полемикой в СМИ, при этом часто использовалась риторика, обычно считающаяся недобросовестной. В конце того же года авторитетный Оксфордский словарь английского языка объявил «постправду» (*post-truth*) словом года, сопроводив его следующим толкованием: «Слово описывает обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям». Политический контекст использования термина объясняет и частое употребление выражения «политика постправды», а перенос акцента с фактов на эмоциональное и психологическое отношение к ним делает особенно важной роль манипулятивной риторики.

Сразу же следует отметить, что «пост-правда» не эквивалентна лжи. Это не отказ от истины, не ситуация «после истины», не утрата её значимости, а пролиферация истин, когда по поводу одного и того же события высказываются самые разные мнения, претендующие на истину. Что, пожалуй, ещё важнее – речь идёт о множественности не только истин, но и субъектов, претендующих на право эти истины провозглашать. Префикс «пост», таким образом, не совсем точно отражает суть понятия, это не то, что пришло на смену правде. Скорее, «постправду» можно понимать как часть нашего постсовременного мира, с отсутствием ясных границ, чётких различий между объективным и субъективным, правильным и неправильным, множественностью интерпретаций и, самое главное, релятивизацией истины и морали.

Новые формы коммуникации – интернет и социальные сети – создают не только новые возможности для общения и выражения своего мнения, но и множество уязвимостей, в том числе и возможностей для манипуляции общественным мнением и сознанием. Такое распространение технологий, с одной стороны, позволяет демократизировать знание, особенно способы его получения. Но при этом привычные позиции теряют традиционные производители знания с официально признанными дипломами и сертификатами. Опасность здесь состоит в резком увеличении количества новых «авторов» истины, что, соответственно, может вести к размыванию

границ между фактом и вымыслом, аргументацией и спекуляцией. В качестве одного из заметных механизмов этого процесса иногда называют «Википедию» [14]. Изначально идея «народной энциклопедии» казалась безусловно хорошей – сделать истину ещё более надёжной, максимально расширив её базу, возможности широчайшей интерсубъективной проверки. Побочным результатом такой демократизации знания и истины стал не только рост количества информации, но и значительное число её искажений. Обилие «альтернативных фактов» от множества авторов сделало более важной авторскую позицию относительно того или иного события, а не сами факты.

К свойствам «постправды» можно отнести следующие: «...нео-риторическое – оценку достоверности содержания сообщения производит его получатель, пост-классическое – для этой оценки достаточно любой концепции истинности, и пост-информационное – всякая оценка получателем содержания сообщения как достоверного может считаться за достоверную вообще» [3, с. 175].

Последнюю характеристику можно объяснить изменившимся соотношением между разумом, с помощью которого, как считалось, открываются истины, и субъективным к ним отношением. Приоритетным становится не знание того или иного установленного факта, а эмоциональное отношение к нему. С распространением нового термина начались и попытки более глубокого осмысления этого феномена: постепенно приходит осознание того, что «постправда» при всей вызывающей скандальности этого термина – явление далеко не новое. Хотя о ситуации «постправды» чаще говорят в современном политическом контексте, схожие процессы имеют место и в других областях, в том числе и в науке, которая традиционно считается главным бастионом надёжного и достоверного знания. «Альтернативные факты» и их эмоциональная интерпретация используются и для отрицания, казалось бы, бесспорных, подтверждённых наукой достоверностей. Сюда можно отнести, например, тех, кто отрицает реальность климатических изменений на планете, и противников вакцинации, отрицающих «твёрдые факты» о пользе прививок, и любителей альтернативной истории, и тех, кто отрицает существование Холокоста, и многих других.

Постмодернистские аргументы о том, что любая истина является неполной и пристрастной, зависит от точки зрения и соци-

ального положения её обладателя, ведёт к тезису о том, что представить то или иное событие можно очень разными способами, каждый из которых будет по-своему оправдан и обоснован. Это способствовало демократизации самых разных дискурсов, их большей эгалитарности, позволило быть услышанными тем, кому раньше просто не давали слова. Но это также предоставило трибуну и носителям оскорбительных взглядов и самых фантастических теорий, маскирующихся под научное знание.

Сейчас уже стало общепринятым, что наука тоже развивается в борьбе идей, в конкуренции различных концепций истины, парадигм знания. Взгляд на науку как относительно понятный и безболезненный процесс кумулятивного приращения знания давно отвергнут. «Такой взгляд на прогресс как аккумуляцию истин подвергался эффективной критике многими философами и учёными с XVIII века до наших дней и теперь считается общепринятым то, что он рисовал наивную и предельно простую картину развития науки» [13, с. 77]. Для того чтобы подчеркнуть общность процессов в политике и науке, С. Фуллер использует в своей концепции «постправды» выражение «военно-промышленная воля к знанию» [10, с. 81–87]. Термин обращает внимание на тот факт, что знание – это не всегда то, в отношении чего существует экспертный консенсус, и даже не то, что таковым считают эксперты. Военный аспект подчёркивает вовсе не академический характер научных баталий, представляя их и как внутреннюю борьбу за идеи и их признание, и междисциплинарный характер таких научных столкновений. Промышленный аспект обращает внимание на прагматическую значимость, необходимость успешного завершения научного поиска, а также требует ясных критериев этой успешности. Во втором аспекте профессиональные производители знания часто отстают, отдавая приоритет самому процессу добывания истин и уделяя меньше внимания определению критериев успешности того или иного исследования.

Просвещение дало надежду на то, что истина может быть не только установлена и получена с помощью систематических надёжных научных методов, она может быть измерена, зафиксирована, в отношении её может быть достигнуто согласие ввиду её объективности, т. е. независимости от индивидуальных пристрастий или особенностей восприятия. «Постправда» же означает подрыв веры в возможность нахождения некоторой

«архимедовой точки», с которой мы могли бы объективно взглянуть на мир и попытаться определить объективную истину, отвлекаясь от наших культурных, национальных, языковых, гендерных и прочих особенностей.

Хотя, как уже отмечалось, заметнее всего это проявляется в политике, в том числе в отмеченных выше политических кампаниях 2016 года, при более пристальном взгляде феномен постправды оказывается гораздо более сложным и устойчивым. Так, в своей концепции «постправды» С. Фуллер обосновывает мысль о том, что ситуация «постправды» – это постоянный феномен, сопровождающий нас с Античности, и правильной всего понимать его как борьбу за так называемую «модальную власть» [10, с. 13] – право определять правила игры «в знание», борьбу за такие модальности как «возможное» и «допустимое». Хотя существенным положительным моментом такой борьбы является демократизация этого процесса, когда, с одной стороны, всё больше людей получают возможность высказать своё мнение, обратной стороной процесса становится пересмотр традиционных форм и способов производства знания и нежелание платить «ренту за знание» его традиционным поставщикам.

Начало эпохи постправды предлагается отсчитывать фактически уже с философов-досократиков. Философские споры досократиков о первоначале фактически представляют собой такую исходную ситуацию пролиферации истин, каждая из которых имела под собой некоторое обоснование. Многие имеющиеся ответы (вода, огонь, воздух, апейрон) не давали возможности или решающих оснований сделать вывод об истинности одного ответа и ложности других. По мнению С. Фуллера, нетерпимость такой ситуации фактически вызвала к жизни идеализм Платона, определение правил дальнейшей игры, претензию на авторитетный мета-ответ на вопрос о том, какого рода философские решения отныне могут считаться правильными и неправильными. Борьбу Платона с софистами С. Фуллер интерпретирует прежде всего как борьбу не за конкретные истины, а как мета-схватку за право определять «правила игры», за то, кто вообще может устанавливать эти правила и, соответственно, провозглашать те или иные истины. Начинается борьба за то, кто будет определять, что такое истина – либо сторонники взгляда «Человек есть мера всех вещей» или последователи классического трёхчастного определения знания («знание – есть обоснованное истин-

ное мнение»), которое часто приписывают именно Платону, хотя именно в таком виде в его диалогах оно не встречается.

Борьба за «модальную власть» у С. Фуллера опирается на трактовку политики Бисмарком как «искусства возможного». Это борьба за то, кто определяет, что возможно, что невозможно и что необходимо. В том же ключе интерпретируется и негативное отношение Платона к поэтам и драматургам в «Государстве», которые открывали гораздо большее пространство возможного и допустимого, чем Платон считал допустимым [10, с. 30].

Как известно, по его мнению, именно философы-правители должны убедить людей, что не сила есть право и справедливость, как считал Фразимах. Только те люди, которые прошли предначертанный Платоном путь к знанию, в частности, «исполнившие» метафоры линии и пещеры, могут и должны быть правителями, только им доступен свет истины и, соответственно, именно они и определяют, что правильно, а что нет. Политическая власть соединяется с властью модальной. С. Фуллер здесь полемизирует с интерпретацией Платона Карлом Поппером. По его мнению, главная цель «Государства» Платона – в частности, его рассуждений о знании и истине – постепенно убедить людей в том, что этот путь знания единственно правильный, всё остальное – неправильно, не необходимо, неразумно или противоразумно. Поскольку во времена Платона не было тоталитарных режимов с их аппаратом насилия и принуждения, то правильнее говорить о том, что Платон скорее ведёт пропаганду возможного и допустимого общественного устройства, используя весь свой арсенал интеллектуальных и художественных средств и приёмов.

Современная ситуация «постправды» стала возможной, по мнению С. Фуллера, благодаря двум основным факторам: 1) самому высокому уровню образованности населения планеты в истории и 2) наличию интернета и разнообразных сетей распространения информации, что делает доступными исследование проблем и высказывание своего мнения для непрофессионалов в конкретной области. Можно ли считать это подлинной демократией? Здесь, пожалуй, уместна аналогия с рыночной экономикой. Когда рынок постоянно требует всё новых и новых «истин» от всё большего количества поставщиков, то наступает ситуация переизбытка, предложение начинает превышать спрос, и товар теряет в цене.

С другой стороны, одним из парадоксов демократии можно назвать то, что всё больше людей получают образование, при этом многие из них делегируют принятие решений разного рода экспертам, причём даже в тех областях, где последствия решения могут оказаться фатальными – например, безоговорочно доверяя своему врачу.

Конечно, эти процессы, связанные с попытками «перехватить» у экспертов компетенции по производству знания, могут быть оценены по-разному: в доброжелательной интерпретации как демократизация, в критической как популизм [2]. Г. Тульчинский определяет популизм как «...массовое сознание в политике, работающее на упрощение и понижение идей и ценностей» [7, с. 193]. Конечно, такое упрощение неизбежно имеет место, если массовыми производителями знания становятся «непрофессиональные» субъекты. Но популизм тесно связан с демократическими механизмами, это неизбежная цена за широкое «народное» участие [8]. Если считать «постправду» одним из проявлений «постсовременного состояния», упрощение можно понимать и как локализацию дискурса, форму известного «недоверия к метаповествованиям». Главные, фундаментальные, всё объясняющие нарративы заменяются короткими, локальными, ситуативными, а также их эмоциональными толкованиями. Опасность здесь может заключаться в избыточном количестве таких мини-нарративов, что может привести к потере чувствительности к ним. «Для сознания, позволяющего отовсюду себя информировать, всё становится проблематичным или безразличным [14, с. 559]. Создание же соответствующих фильтров требует, опять же, перехода на другой уровень критического мышления. При этом отсутствие таких фильтров вместе с потерей чувствительности может приводить к тому, что субъект легко становится объектом манипуляций. Именно такое размывание различия между фактом и вымыслом Х. Арндт, например, считала главной опасностью, способной лишить человека его автономной субъектности и превратить в объект манипуляций. «Идеальный подданный тоталитарного режима – это не убеждённый нацист или убеждённый коммунист, а человек, для которого более не существуют различия между фактом и фикцией (т. е. реальность опыта) и между истиной и ложью (т. е. нормы мысли)» [1, с. 615].

В ситуации «постправды» меняется и оценка политических и научных институтов, которые начинают восприниматься не как спо-

собствующие получению знания, а как корпоративные защитные механизмы, оберегающие получателей ренты за знание от демократической конкуренции. Возможен здесь и аргумент от «общественного блага» [5]. Если знание понимается как общественное благо, а основными характеристиками общественных благ (таких как армия, полиция, чистый воздух) является их неделимость и неисключаемость пользователей (нельзя, например, предоставить чистый воздух только тем, кто за него заплатил, лишая остальных возможности дышать), тогда университеты должны не устанавливать барьеры, защищающие академические привилегии и статус, а как можно шире распространять знание, отставив в сторону свои корыстные интересы.

Представляется, что обсуждение феномена «постправды» помимо социальных и политических контекстов требует гораздо большего внимания к современным проблемам эпистемологии. Особенность философских обсуждений истины как раз и заключается в том, что её обсуждение ведётся на мета-уровне. Философские споры идут не только об истинности тех или иных суждений, но и о том, что значит само понятие истины, об определении её роли и статуса. Одна из самых серьёзных проблем с классическим определением знания как «обоснованного истинного мнения» связана как раз с его центральным компонентом – понятием истины. Проблемы с истиной были выявлены, в частности, благодаря статье Э. Геттиера, показавшей трудности, связанные с принципиальной возможностью ситуаций, в которых истина становится игрой случая. Его контрпримеры показали возможность ситуаций, где субъект имеет истинное и вполне обоснованное мнение, которое, тем не менее, невозможно охарактеризовать как знание [3].

Эта небольшая статья породила огромное количество ответов и комментариев, которые так и не смогли дать убедительный ответ на вызов Геттиера и полностью устранить фактор случайности из процесса обоснования и превращение мнения в знание [9, с. 83–84]. Это не говорит о том, что понятие «истина» (и производное от него «постправда») перестают быть актуальными, однако для науки «случайность» истины, как и утрата её объективности, вряд ли приемлемы. Один из возможных ходов, используемых в современной эпистемологии, – постепенное смещение акцента с проблем, связанных с понятием истины, на проблемы обоснования

и понимания. Причём именно понимание может стать фокусом современной теории познания. Аналогичная аргументация была представлена уже Л. Лауданом, который отметил, что наука является, скорее, «прогрессом в решении проблем, чем прогрессом в поиске истины», следовательно, «научный прогресс может анализироваться без таких категорий как “истина” и “подтверждение”» [12, с. 22–26].

Заключение. Думается, можно согласиться с С. Фуллером в том, что «состояние постправды» не является лишь одним из проявлений постмодерна или постсовременного мышления, а имеет давние корни в истории западной мысли. Если говорить о современном социально-политическом контексте, то новый «режим постправды» представляется явлением не случайным и долговременным. Трудно представить, что новые субъекты, получившие, благодаря образованию и технологиям, возможности самостоятельно производить знания и истины, не платя при этом ренту традиционным его производителями, от этой возможности добровольно откажутся. Следует помнить, что «состояние пост-

правды» характеризуется одновременной борьбой на двух уровнях. Эта и конкуренция локальных истин, и борьба за «модальную власть», попытка отвоевать позицию, которая даёт право определять, какие истины должны иметь приоритет.

Можно, впрочем, надеяться, что процессы, происходящие в современной эпистемологии и философии, науки распространятся и на социально-политическую сферу. Осознание того, что целью науки является не поиск истины самой по себе, а либо наилучшие способы обоснования, либо лучшее понимание некоторого фрагмента реальности, либо решение конкретных проблем, может распространиться и на другие сферы. Смена языка – переход от конкуренции истин к иным, практически более важным целям, – может способствовать пониманию того, что «постправда» как новый «режим истины» представляет собой лишь более сложную, демократическую площадку для обсуждения разных взглядов и мнений, цель которого – не спор относительно какой-то нормативной философской концепции истины, а лучшее понимание обсуждаемых проблем.

Список литературы

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68.
3. Лисанюк Е. Пост-правда, режимы истины и Ф. Достоевский // Dostojevskij a Nietzsche. Apoteóza nezakorenosti. Za a proti / Б. Марков & Р. Nezník (Ed.). Košičiach: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košičiach, 2017. Filozofic. С. 161–178.
4. Никифоров А. Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009. № 3. С. 61–73.
5. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.
6. Политика постправды в современном мире // Политика постправды и популизм в современном мире: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (22–23 сент. 2017 г.). СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
7. Тульчинский Г. Политическая культура. М.: Юрайт, 2015. 326 с.
8. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.
9. Шевченко А. А. Эпистемология и добродетели // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 4. С. 82–92.
10. Fuller S. Post-truth. Knowledge as a power game. London: Anthem Press, 2018. 209 p.
11. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. 1963. No. 23. Pp. 121–123.
12. Laudan L. Progress and Its Problems. London: Routledge & Kegan Paul, 1977. 280 p.
13. Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Bd. П. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. 959 p.
14. Vogelmann F. Problem of Post-Truth. Rethinking the Relationship Between Truth and Politics // Behemoth. A Journal on Civilisation. 2018. No. 2. Pp. 18–37.

Статья поступила в редакцию 14.04.2019; принята к публикации 17.05.2019

Сведения об авторе

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: shev@philosophy.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-8563-5464.

Библиографическое описание статьи

Шевченко А. А. «Постправда» как новый «режим истины» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 4. С. 8–14. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-8-14.

References

1. Arendt, H. The origins of totalitarianism. M: Tsentrcom, 1996. (In Rus.)
2. Glukhova, A. Populism as a political phenomenon: a challenge for modern democracy. Polis. Political studies, no 4, pp. 49–68, 2017. (In Rus.)
3. Lisanyuk, E. N. Post-truth, regimes of truth and F. Dostoyevsky. Dostojevskij a Nietzsche. Apoteóza nezakorenenosti. Za a proti. Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, Filozofic: pp. 161–178. (In Rus.)
4. Nikiforov, A. L. Analysis of the concept of knowledge: approaches and problems. Epistemology and philosophy of science, no 3, pp. 61–73, 2009. (In Rus.)
5. Olson, M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups. M: FEI, 1995. (In Rus.)
6. Politics of post-truth in contemporary world. Proceedings of all-Russia scientific conference “Politics of post-truth and populism in contemporary world” (22–23 September 2017). Spb: Skifia-print, 2017. (In Rus.)
7. Tulchinsky, G. Political culture. M: Urait publishing house, 2015. (In Rus.)
8. Chugrov, S. V. Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? Polis. Political studies, no. 2, pp. 42–59, 2017. (In Rus.)
9. Shevchenko, A. A. Epistemology and virtues. Siberian journal of philosophy, vol. 14, no. 4, pp. 82–92, 2016. (In Rus.)
10. Fuller, S. Post-truth. Knowledge as a power game. Anthem Press, 2018. (In Engl.)
11. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? Analysis, no. 23, pp. 121–123, 1963. (In Engl.)
12. Laudan, L. Progress and Its Problems. London: Routledge & Kegan Paul, 1977. (In Engl.)
13. Sloterdijk, P. Kritik der zynischen Vernunft. Bd. II. – Fr. am M: Suhrkamp, 1983. (In German.)
14. Vogelmann, F. Problem of Post-Truth. Rethinking the Relationship Between Truth and Politics. Behemoth. A Journal on Civilization, no. 2, pp. 18–37, 2018. (In Engl.)

Received: April 14, 2019; accepted for publication May 17, 2019

Information about author

Shevchenko, Alexander A., Doctor of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia; e-mail: shev@philosophy.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-8563-5464.

Reference to the article

Shevchenko A. A. “Post-Truth” as a New “Regime of Truth” // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 4. PP. 8–14. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-8-14.